

ВНЕЗАПНАЯ И ПРЕДУГАДАННАЯ СМЕРТЬ

В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЁВА

Диакон Дионисий Макаров
/ Денис Владимирович Макаров

доктор культурологии
профессор кафедры филологии Московской духовной
академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
denis.makarov@mail.ru

Для цитирования: Макаров Д., диак. Внезапная и предугаданная смерть в творчестве И. С. Шмелёва // Богословский вестник. 2024. № 3 (54). С. 297–316. DOI: 10.31802/GB.2024.54.3.015

Аннотация

УДК 82.091 (27-29) (821.161.1)

Основная цель исследования — продолжить изучение проблемы смерти в творчестве И. С. Шмелёва, в частности выявить авторское понимание внезапной и предугаданной смерти. В работе применяются сравнительно-исторический метод и метод филологического анализа. Анализируются художественные произведения И. С. Шмелёва, в которых встречается тема смерти: в частности, романы «История любовная», «Няня из Москвы», «Лето Господне», повести «Богомолье», «Росстани» и другие. Особенности изображения внезапной и предугаданной смерти рассматриваются в творчестве И. С. Шмелёва в сопоставлении с произведениями И. С. Тургенева и др. писателей, затрагивающих аналогичную проблематику. Наиболее важные результаты исследования: внезапная смерть постигает преимущественно грешников, а предугаданная или предсказанная смерть — удел праведников. Отличие И. С. Шмелёва от И. С. Тургенева и других в том, что первый сам имеет те же христианские убеждения, что и его герои, и сознательно выстраивает сюжет произведений (и место в нём факта смерти) по известному ему христианскому закону, а вторые относятся к своим героям и их вере как к эстетическому явлению, достойному восхищения (И. С. Тургенев), либо подражания (Л. Н. Толстой), но в обоих случаях убеждения героев внутренне чужды авторам. Статья продолжает рассмотрение темы смерти в творчестве И. С. Шмелёва, начатую в предыдущих работах.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, творчество Ивана Сергеевича Шмелёва, тема смерти.

Sudden and Predicted Death in the Works of I. S. Shmelev

Deacon Dionysius Makarov / Denis V. Makarov

Doctor of Cultural Science

Professor at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

denis.makarov@mail.ru

For citation: Makarov, Dionysius, deacon. "Sudden and Predicted Death in the Works of I. S. Shmelev". *Theological Herald*, no. 3 (54), 2024, pp. 297–316 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2024.54.3.015

Abstract. The main goal of the study is to continue studying the problem of death in the works of I. S. Shmelev, in particular, to identify the author's understanding of sudden and predicted death. The work uses the comparative historical method and the method of philological analysis. To achieve this goal, the literary works of I. S. Shmelev are analyzed, in which the theme of death is encountered, in particular, the novels «Love Story», «Nanny from Moscow», «Summer of the Lord», the stories «Pilgrim», «Rosstani» and others. Features of the depiction of sudden and predicted death are considered in the works of I. S. Shmelev in comparison with the works of I. A. Turgenev and L. N. Tolstoy, touching on similar issues. The most important results of the study: sudden death — for the most part — befalls sinners, and death predicted or predicted in advance is the lot of the righteous. The difference between Shmelev, on the one hand, and Tolstoy, together with Turgenev, on the other, is that the former himself has the same Christian beliefs as his heroes, and consciously builds the plot of his works (and the place of the fact of death in it) according to what is known to him Christian law, and the latter treat their heroes and their faith as an aesthetic phenomenon worthy of admiration (Turgenev) or imitation (Tolstoy), but in both cases the beliefs of the heroes are internally alien to the authors. The article continues the consideration of the theme of death in the works of I. S. Shmelev, begun in previous works.

Keywords: literature of Russian abroad, the work of Ivan Sergeevich Shmelev, the theme of death.

Введение

Художественное осмысление проблемы смерти у И. С. Шмелёва многогранно и разносторонне. Кроме исследованных в предыдущей статье мотивов памяти смертной и светоносной смерти, И. С. Шмелёв изображает смерть и в других аспектах. Наиболее значительные из них: смерть внезапная и смерть предугаданная или предсказанная.

Например, внезапной смертью умирают герои романа «История любовная»: пастух и его невестка, кучер Степан; в романе «Лето Господне» — купец Жирнов (глава «Ефимоны»); в романе «Няня из Москвы» — садовник; в повести «Росстани» Данила Степанович, хотя и сознаёт близкий конец, и задумывается на краткий момент об ином мире, всё же до конца пребывает душой в земном и умирает внезапно.

Такой смерти противопоставлена смерть, о которой герой получает извещение заранее и, следовательно, может подготовиться к ней по-христиански. В романе «Лето Господне» отец Вани Сергей Иванович заранее узнаёт о предстоящей ему смерти, ибо уже долго болен и слышит предсказание тётюшки — блаженной Пелагеи Ивановны:

«Кому пост, а кому погост!.. Надо, надо ледку... горячая голова, остынет»¹.

Также прабабка Устинья заранее узнала о своей смерти:

«Прабабушка Устинья за три дни до кончины всё собиралась, салоп надела, узелок собрала, клюшку свою взяла... в столовую горницу пришла, поклонилась всем и говорит: “Живите покуда, не сорьтесь... а я уж пойду, пора мне, погостила... Ваня меня зовёт, пора...” Всё и говорила: “Ждут меня, Ваня зовёт...” — прадедушка твой покойный»².

В повести «Богомолье» узнал заранее свой час плотник Мартын, которому явился его Старец и сообщил о скорой смерти. По рассказу Горкина, открылся срок смерти и Ваниному дедушке через одну народную приметку: когда чистили скворечники, вытащили из одного серебряный крестик, что служило знаком смерти.

Итак, в произведениях И. С. Шмелёва одни люди заранее узнают о смерти, других же она настигает в час, когда они её не ждут и не ведают о её приходе. Оригинален ли здесь И. С. Шмелёв? Не встречается ли данное различие у других писателей? Конечно, встречается, ибо это различие присутствует в самой жизни, а литература как раз и отражает

1 Шмелёв И. С. Лето Господне // Он же. Собрание сочинений. Т. 4. Москва, 1998. С. 226–227.

2 Там же. С. 253–254.

жизнь в художественных образах. Чем же оригинален И. С. Шмелёв и непохож на своих предшественников? Чтобы выявить различие в понимании данных образов смерти в творчестве И. С. Шмелёва и в более широком мировоззренческом аспекте, обратимся к сравнению героев И. С. Шмелёва с героями И. С. Тургенева, И. А. Бунина, М. Горького, Л. Н. Толстого.

1. Внезапная смерть

В произведениях И. С. Тургенева встречается различие видов смерти. В рассказе «Смерть» конец внезапно наступает Максима; заранее узнают о своей кончине Капитон Тимофеевич, богатый мельник, и старушка, которая хотела сама заплатить за свою отходную — они узнают о смерти по своей болезни. А вот героиня рассказа «Живые мощи» Лукерья узнаёт о времени прихода смерти из сна: «После, мол, петровок», — говорит ей сама Смерть, явившаяся во сне в образе женщины. Также осознаёт свою близкую кончину Базаров в романе «Отцы и дети», но это особый случай.

Теперь рассмотрим, как и чем мотивируется внезапная смерть у И. С. Тургенева и И. С. Шмелёва, кому писатели отказывают в христианском приготовлении к смерти, а кому предоставляют эту возможность, какие герои получают предупреждение о скором конце.

У И. С. Тургенева Максим («Смерть»), которого задавило деревом, осознаёт этот случай и свою смерть как наказание за грех:

«Господь... меня наказал... ноги, руки, всё перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я вот... ребят-то не распустил»³.

Сам автор, вероятнее всего, так не думает, для него это просто несчастный случай, который мог бы произойти и с кем-нибудь другим. Но, как художник, И. С. Тургенев изображает жизненные явления правдиво, независимо от личных убеждений. В частности, он сам говорил об этом касательно изображения Базарова:

«Точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни есть высочайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями»⁴.

В христианском смысле Базаров — человек, одержимый гордостью, неверующий, которому близка философия стоиков и эпикурейцев одновременно. Уже больной, он говорит отцу:

3 Тургенев И. С. Записки охотника // ПСС. 1979. Т. 3. С. 199.

4 См. об этом в статье: Тургенев И. С. «По поводу "Отцов и детей"» // ПСС. 1983. Т. 11. С. 88.

«Ну, коли христианство не помогает, будь философом, стоиком, что ли?»⁵.

А Одинцовой говорит совсем в эпикурейском духе:

«Живите долго, это лучше всего, и пользуйтесь, пока время»⁶.

Ему, однако, даётся возможность покаяться. Его смерть не внезапна, что оставляет ему немного времени для христианского приготовления к смерти, но он, по своему неверию, уклоняется от предложения отца исповедаться и причаститься. Соборуют Базарова уже в беспамятстве, но всё равно прикосновение святыни приводит его в ужас:

«При виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице»⁷.

Понятно, что человек верующий, тем более праведный, не придёт в ужас от вида священника и церковных свечей, а только неверующий и нежелающий каяться. Базаров не верит в существование загробного мира:

«Старая штука смерть, а каждому внове. До сих пор не трушу, а там придет беспамятство, и фюить! (Он слабо махнул рукой) а моя собственная форма уже разлагается»⁸.

Какой контраст составляют эти слова героя И. С. Тургенева со словами о душе и теле, произнесёнными героем И. С. Шмелёва — Горкиным! Для Базарова тело — форма человека, без него — нет человека, в душу без тела он не верит, поэтому для него важнее всего не загробная участь души, а «умереть прилично», не уронить себя в глазах людей. До последнего момента он поражён тщеславием и заботится о своём земном достоинстве.

Таким образом, у И. С. Тургенева внезапная неожиданная смерть постигает грешников (Максим), а неверующие (Базаров), даже узнав о грядущей смерти, ничего не делают, чтобы к ней подготовиться по-христиански. Смерть вырывает их из привычного ритма жизни, не даёт закончить даже необходимые, как им казалось, дела, внезапно поражает их.

5 Тургенев И. С. Отцы и дети // ПСС. 1981. Т. 7. С. 178.

6 Там же. С. 183.

7 Там же. С. 183–184.

8 Там же. С. 182.

Героиня рассказа «Живые мощи» Лукерья заранее узнаёт срок своей смерти, сама смерть говорит ей во сне: «После, мол, петровок». В конце рассказа автор отмечает:

«Смерть и пришла-таки за ней... “после петровок”. Предсказание сбылось. Но кто такая Лукерья? Это святой человек. Она — невеста Христова. Сам Христос сказал ей во сне: “Не бойся... невеста моя разубранная, ступай за мною; ты у меня в царстве небесном хоро- воды водить будешь и песни играть райские”»⁹.

Лукерья — страдальца и праведница. Своими мучениями она облегчает тяжесть своих и родительских грехов: «Так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила; теперь наши грехи побеждаешь»¹⁰, — так говорят Лукерье явившиеся ей во сне давно усопшие родители. В самый день смерти праведница все слышит небесный колокольный звон.

Значит, героиня И. С. Тургенева заранее узнаёт о сроке смерти и имеет возможность подготовиться к ней по-христиански. Однако для самого И. С. Тургенева точное исполнение сна Лукерьи — это не больше, чем поразительное, загадочное, но всё же совпадение. Очень хорошо видно, что автор, хотя и изображает всё правдиво, тем не менее сам не может принять логику своих героев. Причём не может он принять не только логику Лукерьи, но и объяснения Максима. Автор скорее удивляется: вот так верит и думает народ! Да, это удивительно, это поэтично, но и очень далеко от кого или чего?

Перейдём к И. С. Шмелёву. У него неожиданная смерть постигает ряд персонажей. Например, в романе «Лето Господне» в первый день Великого поста (в Чистый понедельник) рано утром в бане умирает от удара некто Жирнов. Обстоятельства его скоропостижной кончины автор описывает следующим образом:

«Еще утром вчера [на масленицу. — Д. М.] у нас с гор катался... двои блины вчера ел, да поужинал — заговелся, на щи с головизной приналег, не воздержался... да кулебячки, да кваску кувшинчик... Встал в четыре утра, пошел в бани попариться для поста... А первый пар, знаешь, жесткий, ударяет. Посинел-посинел, пока цирюльника привели пивявки ставить, а уж он готов. Теперь уж там...»¹¹.

9 Тургенев И. С. Записки охотника. Живые мощи // ПСС. 1979. Т. 3. С. 335.

10 Там же.

11 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 26.

И хотя читатель нигде не слышит авторского осуждения несчастного, всё же становится ясно, что Жирнов умер от собственного чревоугодия — одного из смертных грехов; даже сама его фамилия, выбранная неслучайно, убеждает в этом¹². Великий пост — время покаяния и очищения души, но невоздержание не дало возможности Жирнову войти в это святое время.

В романе «История любовная» внезапной трагической смертью умирают пастух и «молодая», его невестка. Их убивает топором Костюшка — сын пастуха и муж «молодой», убивает свою жену и отца. В чём причина убийства? Дело в том, что Костюшку обманули:

«все отлично знали, что старик с “молодой живет”, не знал только муж, но, внезапно вернувшись из паломничества, он застал их на греховном ложе и изрубил топором до смерти. Причиной смерти в данном случае, по мысли автора, является грех. Костюшка бежит по улице и кричит: “Грех убил, берите меня в часть!”»¹³

Главный герой этого романа, подросток Тоничка, незадолго до убийства чувствует присутствие мерзкого греха в доме пастуха:

«Грех у них... Костюшку на богомолье отпустили после Пасхи, в Воронеж. Одни остались... Грех у них теперь...»¹⁴.

Тоничка представляет грех в зримых образах фрески Страшного Суда:

«Грех... Его я видел. Он был зеленый, в черных пятнах. Змий, огромный, в толстых кольцах, в черных и красных языках огня... В кольцах Змия — все гнездышки грехов, “местечки”. Грешники страдали в кольцах — в дыму и пламени. В одном “местечке” лежала молодая толстая блудница, с распущенными волосами [её образ проецируется Тоничкой на убитую. — Д. М.]. Рядом с ней — иссохший грешник, с седой бородой, весь красный (он напоминает пастуха). Над ними черно-зеленый черт, с крыльями, похожими на зонтик. Черно-зеленый грех тянулся, жирный, страшный...»¹⁵.

Пастух и «молодая» попали в лапы греха. Тоничке как бы заранее раскрывается их посмертная судьба — в образах фрески Страшного

12 Одна из особенностей Шмелёва-автора — особенно милостивое отношение к своим героям, пусть даже и грешникам. Например, к Софье («Росстани») или к Василь Василичу Косому, старшему приказчику («Лето Господне»).

13 Шмелёв И. С. История любовная // *Он же*. Собрание сочинений. Т. 6. Москва, 1999. С. 183.

14 Там же. С. 170.

15 Там же.

Суда, внешне почти буквально совпадающих с данными персонажами. Их души погибли:

«И душа её вся в грехе... не беленькая и чистая... а раскалённая до-красна, с лицом, искажённым мукой, душа — блудница!»¹⁶.

Тоничка видит и чувствует, что их погубил «грязный, поганый Грех». И это есть одновременно и авторская точка зрения. И. С. Шмелёв в данном случае разделяет взгляд героя.

Следующая безвременная кончина в романе — смерть кучера Степана. Его запарывает насмерть бешеный бык, который, по замечанию И. А. Ильина, является «символом безудержного инстинкта»¹⁷. Таким неостановимым инстинктом одержим и сам Степан, поэтому смерть Степана символична. Она символизирует смерть человеческой души, если в ней возобладал слепой инстинкт, животное начало. Главная характеристика Степана в романе — его любовь к Паше, но любовь эта сугубо физиологическая, самая низшая в природе человеческих отношений, это даже не любовь, а неудержимое влечение. Цель Степана — физическое обладание, ради этого он готов даже жениться на Паше. Конечно, для автора «любовь» Степана — греховная страсть, которая и является причиной его внезапной гибели. Опять грех убивает человека.

В романе «Няня из Москвы» причиной внезапной смерти садовника является его жадность, иными словами, страсть сребролюбия. В романе над ним сбывается пророческое слово няни:

«Ох, говорю, смотри... уж покарает вас Господь за жадность вашу!»¹⁸

Мало было ему земли в Крыму, он захотел ещё в Костроме получить надел — по дороге его подстрелили. С этим садовником, вдруг так внезапно обогатившимся, происходит то же, что и с евангельским богачом, который думал:

«Душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12, 19–20).

Опять причиной внезапной смерти без покаяния является одна из страстей — корыстолюбие или сребролюбие, то есть смертный грех.

В повести «Росстани» Данила Степанович тоже умирает внезапно, однако не лишается некоторого предупреждения о смерти

16 Шмелёв И. С. История любовная. С. 185.

17 Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелёв. Москва, 1991. С. 176.

18 Шмелёв И. С. Няня из Москвы // Он же. Собрание сочинений. Т. 3. Москва, 1999. С. 94.

и своеобразной — пусть и не до конца осознанной — подготовки к ней (в ту меру, на которую он был способен). Ведь едет-то он в Ключевую не только, чтобы поправить здоровье, но и потому что «хорониться желал на родине»¹⁹, то есть с мыслью о близкой смерти. Он раздумывает о смерти:

«Коли приведет Господь помереть в летнюю пору <...> понесут его, честь честью, сперва ельничком, потом березничком <...> мимо скита. И тут и монастырь. И хорошо будут петь в лесу»²⁰.

Потом мысль о смерти вспыхивает в его сознании, когда он возвращается из монастыря от схимонаха Сысоя, его друга молодости Сергея Калюгина:

«Думал о Сысое... Думал, что вот готовится человек, важное у него есть, свое, за жизнью. К этому-то важному и готовится. И стало ему грустно и тревожно. А он-то что же не готовится? Тот уж давно готовится, тридцать лет...»²¹.

Но встревоженность героя довольно быстро проходит, хотя он и начинает после посещения монастыря творить милостыню (об этом сказано отдельно в статье о памяти смертной), и в непосредственном его сознании погружение в невинные деревенские радости (подсолнушки, цветочки, соловьи, воспоминания юности) скоро заслоняют мысль о смерти (хотя его дела милосердия и приносят свои плоды). Но умом своим он — в земном.

Эти колебания мысли от земного к небесному и обратно, двойственность сознания героя определяются промежуточным положением Данилы Степановича на нравственной лестнице художественного мира И. С. Шмелёва. Если кучер Степан, пастух, «молодая», Жирнов — грешники, которые и не думают о покаянии и исправлении, то Данила Степанович — грешник, ещё способный (в свою меру, пусть и слабую) к покаянию. Он ещё способен «заплатить долги» беднякам, которых не замечал всю жизнь, создавая свой капитал правдами и неправдами. После слов схимонаха Сысоя: «Милостыньку твори» — он начинает раздавать нищим «банную мелочь» и, заметив страдания несчастных, думает о создании «богоделен»:

«Нехорошо. Для таких должны быть богодельни, чтобы хоть умирать было где. В каждой деревне бы такие дома, что ли бы, надо... »
Вспомнил, что сказал ему на прощанье Сысой, и подивился: сказал

19 Шмелёв И. С. Росстани // Он же. Собрание сочинений. Т. 1. Москва, 1998. С. 159.

20 Там же.

21 Там же. С. 189.

ему милостыню творить, а этот [нищий. — Д. М.] и тут как тут. Как знамение указал. И стал думать, что жить ему немного остается, недолго потянет и Ариша. А его дом останется. Пусть такие живут...»²².

Его деятельное покаяние подобно покаянию мытаря Закхея, который сказал:

«Господи! половину имени моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк. 19, 8).

И Данила Степанович пытается в эти последние дни отдать долги, облагодетельствовать забытых родных. А в Ключевой все почти родные, один род.

И это тоже символ того, что все люди — братья и сёстры, все родные, от Адама все. И хотя Господь не сподобил Данилу Степановича причаститься прямо перед концом, так как ему не было открыто время смертного часа, однако совсем недавно, в Петровский пост, он причащался:

«Петровками-то говел, как же...»²³.

Конечно, по суду Правды Божией этот «богач» не заслужил рая, об этом говорит кучер:

«А вот как же сказано, что насчет того... <...> что, например, очень трудно им проникнуть... которые богатые...»²⁴.

Но *милость превозносится над судом* (Иак. 2, 13), и по милосердию Божию за своё малое милосердие Данила Степанович, по мысли автора, видимо, получает прощение. На это указывают слова монахинь:

«А нам не знать, а не нам знать, голубчик... <...> Сказано, буди милостив... <...> Господь в своем милосердии призывает каждого... несть на лица зрениа у Бога...»²⁵.

И не только слова монахинь указывают на то, что усопший обрёл прощение у Бога, ещё более указывает на это «мажорная тональность»²⁶ всей повести и удивительное по своей парадоксальности описание похорон, «жизнеутверждающее настроение»²⁷ даже в описании последнего пути человека.

22 Шмелёв И. С. Росстани. С. 191.

23 Там же. С. 203.

24 Там же.

25 Там же.

26 Сорокина О. Н. Московяна: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва. Москва, 1994. С. 344.

27 Там же.

2. Предугаданная смерть

Теперь рассмотрим обстоятельства смерти и образы тех героев, которым автор предоставляет возможность заранее узнать о сроке своей смерти. Прабабушка Вани Устинья («Лето Господне») за три дня до смерти слышит, как зовёт её покойный муж Ваня и начинает собираться, прощается с родными, даёт последние наставления. О прабабушке Устинье автор сообщает, что она «сорок лет не вкушала мяса и день и ночь молилась с кожаны́м ремешком, по священной книге»²⁸, она была чрезвычайно благочестива, исполняла все обряды, то есть была человеком праведным. Даже для Горкина, которого И. А. Ильин называет «живым носителем духа Святой Руси»²⁹, прабабка Устинья во многом является образцом для подражания. Горкин, выполняя какой-либо обряд (например, окуривание дома уксусом после масленицы), говорит, что так делала ещё прабабка Устинья.

Знак о приближающейся смерти подаётся и Ваниному дедушке, которого тоже зовут Иваном:

«Раз при дедушке чистили скворечники, нашли натасканное скворцами всякое добро: колечко нашли с камушком, дешевенькое, и серебряный пяточок, и еще... крестик серебряный... Мартын подал тот крестик дедушке. И все стали вздыхать: примета такая, крестик найти в скворечнике. <...> А через столько-то месяцев и помер»³⁰.

Прабабушка и дедушка оба «правильные были люди». О дедушке ещё узнаём, что он разорился из-за своей честности: не захотел дать взятку нужному человеку.

Плотник Мартын («Богомолье») тоже получает во сне указание о своей кончине:

«Помру, Миша, — шепчет он Горкину: Старец-то тот уж позвал меня...»³¹.

Образ Мартына очень интересен. По делам он грешник, но грешник кающийся и верный, за что и получает возможность христианского приготовления к смерти.

Мартын был подвержен запоям, но, как выражается Горкин, «талан ему был от Бога»³², плотницкий талант (но не только, а также талант

28 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 23.

29 Ильин И. А. О тьме и просветлении. С. 189.

30 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 254.

31 Там же. С. 399.

32 Там же. С. 396.

верного сердца, верного в том, что считает он самым главным, самым святым). За этот талант он получил награду от самого царя — золотую монету, «царский золотой». Эта монета становится в повести символом царской милости, причём образ царя указывает не только на царя-императора, но и на Царя Небесного. «Царский золотой» — символ Божьего дара человеку. Сохранить его — значит не предать Бога, сохранить верность Ему. Мартын сохранил этот талант, как сохранил и крест нательный:

«Креста не могу пропить, так и против царского дару не проступлюсь!»³³

Оказался Мартын верным Богу, царю и своему Старцу, за это и сам получил оправдание посмертное. Когда через год нашли считавшийся уже пропавшим «царский золотой» в щели пола в комнате Мартына, а все уже думали, что он его пропил, тогда перед всеми он получил оправдание и как бы воскрес из мёртвых в глазах людей:

«Тут уж он перед всеми оправдался: не проступился, вот! И все так мы обрадовались, панихиду с певчими по нем служили... хорошо было, весело так, “Христос воскресе” пели, как раз на Фоминой вышло-то»³⁴.

Здесь, как и в повести «Росстани», служат панихиду, а всем становится «хорошо» и даже «весело». Опять «мажорная тональность», парадоксальная радость. Но парадокса нет: нашёлся «золотой», и все поняли, что Мартын не пропил его, значит, и душа его не погибла, и всем от этого стало хорошо и весело. Пусть у него было множество грехов, но то, что он сохранил «золотой», показывает, что его душа всё-таки сохранила нечто положительное, осталась ещё жива, а значит способна к покаянию, изменению и спасению. Таким образом, И. С. Шмелёв художественными средствами утверждает, что высший Суд над человеком — это не обыкновенный суд, где могли бы перечисляться все его дела, добрые и злые, а нечто совсем иное: определение жива ли эта душа, есть ли в ней ещё что-то, пусть и небольшое, доброе, настоящее, положительное. А дела только свидетельствуют об этом. Это показывает, что И. С. Шмелёв в своих произведениях не лишает спасения и грешников, которые пусть не во всём, но в чем-то самом главном сохраняют верность Богу, а потому способны к покаянию.

33 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 398.

34 Там же. С. 400.

Блаженная и прозорливая Пелагея Ивановна («Лето Господне»), тётка Сергея Ивановича (которая предсказала ему близкую смерть), предузнаёт и свою кончину. Откуда она узнаёт о сроке своей смерти — остаётся неизвестно. Но, как думает маленький Ваня, Пелагея Ивановна всё узнаёт не из снов, и не от других людей, и не по каким-то естественным признакам, а от ангелов, то есть от Самого Бога:

«Мне кажется, что кто-то ей шепчет, — Ангелы? — Она часто склоняет голову набок и будто прислушивается к неслышному никому шепоту — судьбы?..»³⁵

Пелагея Ивановна у И. С. Шмелёва не просто праведница, она — святой человек:

«И правда ведь: блаженные-то все ведь святые были!»³⁶

И Горкин её очень почитает, говоря, что она «вроде юродная»³⁷, то есть вроде юродивого, который внешне кажется безумным: «Про неё у нас говорят, что “не все у ней дома” и что она “чуть с приглинкой”»³⁸, но на самом деле этот человек обладает высшей божественной премудростью, ей открывается будущее (дар прозорливости):

«Хоть и с приглинкой будто, а у-умная... ну все-то она к месту, только уж много после все открывается, и все по ее слову»³⁹.

Только внешнее «безумие», непредсказуемое поведение может стать иногда соблазном, не позволяющим увидеть в блаженном святого Божьего человека. Так, у И. А. Бунина в рассказе «Чаша жизни» блаженный оказывается просто безумным. Ненормальность его раскрывается завершающим рассказ описанием:

«Яша работал в своей часовне над склепом купца Ершова. Отпустив посетителей, весь день плакавших перед ним и целовавших его руки, он зажег восковой огарок и осветил свой засаленный халатик, свою ермолку и заросшее седой щетинкой личико с колючими, хитрыми-прехитрыми глазками. Он работал пристально: стоял возле стены, плевал на нее и затирав плевки сливами, дарами своих поклонниц»⁴⁰.

Таким образом, вся его деятельность оказывается лишённой смысла. Потому и не может героиня, Александра Васильевна, разгадать,

35 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 226.

36 Там же.

37 Там же. С. 225.

38 Там же.

39 Там же.

40 Бунин И. А. Чаша жизни // ПСС. 2006. Т. 3. С. 335.

что означают четыре связанные щепочки, которые подал ей блаженный. Мало того, вся жизнь, по И.А. Бунину, оказывается тоже лишённой высшего смысла, ибо если Яша не святой, а душевнобольной, то вера — самообольщение или профессия (как у отца Кира), а мир существует сам по себе, человек смертен и Бога нет. По крайней мере, в жизни данных героев.

Но у И. С. Шмелёва для Вани и Горкина, самых чутких людей, сомнений нет: перед ними настоящая юродивая, и открывается ей, праведнице, и её срок смерти, и последний час других людей, и вся их судьба.

Особенно много предзнаменований, всевозможных примет описывает И. С. Шмелёв в романе «Лето Господне». Они указывают время близкого отшествия Сергею Ивановичу, отцу Вани. Во-первых, это предсказание блаженной Пелагеи Ивановны:

«Кому пост, а кому погост!.. Надо, надо ледку... горячая голова... остынет»⁴¹.

Первоначально ни для Сергея Ивановича, ни для всех домочадцев эти слова не были понятны:

«Тогда не вникли в темноту слов ее...»⁴².

Потом вникли.

Следующее предзнаменование — сон Горкина:

«Идёт Мартын в чистой белой рубахе и... что ж ты думаешь?.. Несет на нас новый крест!.. И входит к нам в ворота, прямо к папашеньке...»⁴³.

Крест приносит покойный — плотник Мартын, тот самый, который и дедушке вынул из скворечника серебряный крестик. Теперь он приносит крест его сыну. Данный сон Горкина описан в главе «Крестопоклонная», где Горкин разъясняет Ване значение креста и смысл крестоношения:

«Каждому, мол, дается крест, чтобы примерно жить... и покорно его нести, как Господь испытание посылает»⁴⁴.

Сопоставление этих слов и сна Горкина, в котором Мартын приносит крест «папашеньке», позволяет понять мысль автора: грядущие болезнь и смерть Сергея Ивановича есть данный ему Господом крест, и это не случайные события, а воистину крест, данный ему во спасение души. Почему так рано — знает только Господь.

41 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 297.

42 Там же. С. 227.

43 Там же. С. 252.

44 Там же. С. 369.

С этого сна начинает звучать в романе мотив предопределения. Сам Сергей Иванович тоже видит сон:

«...неприятный... рыбу большую видал, гнилую... выплыла, будто, в покои, без воды, стала под образа... К смерти это, а? — спрашиваю опять, и сердце во мне тоскует»⁴⁵.

По народным приметам, увидеть во сне рыбу — к болезни, а гнилую рыбу — к смерти. Отец грустно говорит:

«Такой неприятный сон, никак не могу забыть, ужасно неприятный... помру, может?..»⁴⁶

Происходит ещё несколько необычайных событий: пропадает из двора горячий самовар «с огнем», цветут все цветы, в том числе зацветает и «страшный змеиный цвет» — цветок, подаренный дедушке архиереем, который цвел только в год смерти дедушки, также начинает выть пёс Бушуй, и впервые за много лет не прилетели во двор скворцы. К народным приметам И. С. Шмелёв добавляет ещё и литературный мотив из стихотворения Пушкина: Ваня учит стихи про Вещего Олега, который принял смерть от коня своего. Так и получается: Сергей Иванович тоже погибает из-за необузданного норова нового коня, точнее, лошади по кличке Стальная, у которой «темный огонь в глазу»⁴⁷.

Когда болезнь отца усиливается, но ещё остается надежда на исцеление, в доме появляется «священный старичок»⁴⁸ — странник, который вещает Горкину и Ване во укрепление веры:

«И коли не воздвигнет Целитель твоего папашеньку от тяжкого недуга, не помысли зла, а прими как волю Божию»⁴⁹.

Много указаний о смерти получает Сергей Иванович, и, как мы видим, не только он, но и его близкие. Всё это говорит о том, что образ отца запечатлелся в сознании И. С. Шмелёва как образ великого праведника. Какими же добродетелями он отличался?

Ваня сравнивает своего отца с милосердным самарянином:

«Так бы сделал папашенька и Горкин, если пойдём к Троице и встретим на дороге избитого разбойниками»⁵⁰.

45 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 253.

46 Там же. С. 256.

47 Там же. С. 295.

48 Там же. С. 345.

49 Там же. С. 346.

50 Там же. С. 367.

Именно эту черту — милосердие — выделяет И. С. Шмелёв в образе отца. Добрые дела его обширны: он жертвует на Афон, в московские монастыри, помогает бедным семьям⁵¹, кормит нищих и убогих, а по праздникам устраивает специальный обед для них, хорошо относится к своим работникам («Не делега, народишко балует»⁵², — говорят его родственники «купцы-живоглоты» Кашин и дядя Егор), расположен к детям, ко всем домочадцам и слугам.

Именно за эту добродетель, показывает автор «Лета Господня», и сподобляется отец Вани праведной христианской кончины, и узнаёт заранее о предстоящей ему смерти. Эту мысль автор вкладывает в уста «священного старичка-странника», образ которого овеян тайной («Ни с того ни с сего зашел, и кто его к нам послал — так мы и не дознались»⁵³) и священным сиянием, отблеском святых мест, по которым он ходит «лет уж сорок». Он говорит:

«Бывает милосердие от смерти к жизни, а еще бывает милосердие ко праведной кончине»⁵⁴.

Образ священного старичка перекликается с образом странника Луки, созданным Максимом Горьким в пьесе «На дне»⁵⁵. Однако перекличка эта контрастная. Лука всех утешает ложью, а священный старичок говорит правду и не стремится утешить. «Так нас и не утешил»⁵⁶, — подводит автор черту под его словами.

Эти образы противостоят друг другу. Лука М. Горького — лукавый, и в христианском контексте он — от лукавого. А священный старичок — от Бога, он готовит людей к принятию грядущих событий, говоря им правду, как бы пророчествуя и указывая высший, небесный их смысл.

Сергей Иванович принимает все церковные таинства и отходит как праведник: «Хорошо его душеньке, легко. И покаялся, и причастился, и особоровался... все — как православному полагается»⁵⁷, — шепчет Горкин Ване сквозь слёзы.

51 Это общая черта многих героев И. С. Шмелёва. Например, в одном из последних произведений «Дневнике не писателя» глава семейства, тоже купец, посылает пасхальные подарки известным ему бедным семьям. Таковы у И. С. Шмелёва представители так называемого тёмного царства — московского купечества.

52 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 367.

53 Там же. С. 414.

54 Там же. С. 345.

55 Горький М. На дне // ПСС. 1949. Т. 6. С. 103–175.

56 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 346.

57 Там же. С. 377.

Таким образом, становится ясно, что заранее узнают о своей смерти у И. С. Шмелёва люди святые, праведные и те из грешников, которые способны на покаяние или сохранили в себе ещё что-то светлое и святое, какую-то добродетель. Им автор предоставляет возможность узнать свой срок и по-христиански подготовиться к переходу в вечность.

Из приведённых выше примеров видно, что приблизительно та же самая концепция выстраивается и у И. С. Тургенева. Христианский взгляд на внезапность или предугаданность смертного часа содержится в Священном Писании. В Евангелии от Луки говорится, что грешника, не заботящегося о исправлении, постигает внезапная кончина и последующий строгий суд:

«Если же раб тот скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой, и начнет бить слуг и служанок, есть и пить и напиваться, — то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с неверными» (Лк. 12, 45–46).

О праведниках же, о «бодрствующих» в делании добра, сказано:

«Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдет бодрствующими; истинно говорю вам, он препоишется, и посадит их, и, подходя, станет служить им» (Лк. 12, 37).

О кающихся же грешниках Господь говорит:

«Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9, 13).

Фольклорным же источником по данному аспекту вполне может являться легенда «Смерть праведного и грешного», опубликованная А. Н. Афанасьевым в его сборнике «Народные русские легенды»⁵⁸. В данной легенде Праведник долго болеет, заранее узнаёт о смерти, соблюдает все положенные обряды:

*«А больной созвал своих сыновей и снох, сделал им родительское наставление, дал свое последнее навеки нерушимое благословение и простился со всеми. И в ту же ночь пришла к нему смерть с ангелами: вынули душу праведную, положили на золотую тарелку, запыли: “Иже херувимы” — и понесли в рай»*⁵⁹.

Смерть же грешника приходит внезапно, когда он и не ожидает:

58 Смерть праведного и грешного // Народные русские легенды / собр. А. Н. Афанасьевым. Москва, 1859. С. 87–88. В современной орфографии см.: Звездочетц: Русская фантастика 17 в. Москва, 1990. С. 451.

59 Там же.

«Вот хозяева воротились с молотьбы в избу и принялись всяк за свое дело, начали пустое болтать да песни петь; и невидимо им пришла Смерть с молотком в руках и ударила одного брата в голову. “Ой, голова болит!.. Ой, смерть моя...” — закричал он и тут же помер»⁶⁰.

Народ вложил в эту легенду основной смысл: смерть приходит внезапно к грешникам, которые не имеют страха Божия и никакой заботы о благочестивой жизни, живут как придётся:

«... всяк за свое дело, начали пустое болтать да песни петь»⁶¹.

В примечании к данной легенде отмечается та же мысль, давшая содержание настоящей легенде и выраженная во многих духовных стихах. Это говорит о том, что именно таким и был русский народный взгляд на проблему известности-неизвестности смертного часа. И. С. Шмелёв, конечно, мог слышать эту легенду и в других вариантах, но основная мысль её, бесспорно, оставалась той же.

Заключение

Таким образом, уникальность И. С. Шмелёва в решении проблемы внезапной и предугаданной заранее смерти, а также в толковании сопутствующих обстоятельств выражается в личной убеждённости автора в правоте православного взгляда на смерть. Простой люд И. С. Тургенева — та же православная среда. Этим определяется их общее с героями И. С. Шмелёва примирительно-спокойное отношение к смерти. Различие же И. С. Шмелёва, с одной стороны, и И. С. Тургенева — с другой, состоит в том, что личные христианские убеждения И. С. Шмелёва совпадают с убеждениями его героев, и он сознательно выстраивает сюжет произведений (и место в нём факта смерти) по известному ему христианскому закону, а И. С. Тургенев относится к своим героям и их вере как к эстетическому явлению, достойному восхищения (И. С. Тургенев: «Да, удивительно умирают русские люди!»⁶²). Но и в этом случае убеждения героев внутренне чужды автору. У И. С. Шмелёва же существует определённое тождество между мировоззрениями автора и героя. В одних его произведениях герой автобиографичен («Лето Господне», «Богомолье», «Старый Валаам», «История любовная» и др.) и прямо

60 Смерть праведного и грешного // Народные русские легенды / собр. А. Н. Афанасьевым. С. 88.

61 Там же.

62 *Тургенев И. С. Записки охотника. Смерть* // ПСС. 1979. Т. 3. С. 207. Примечательно, что и Л. Н. Толстой в минуты перед собственной смертью произносил: «А мужики? Как же мужики умирают?». См.: *Бунин И. А. Освобождение Толстого* // ПСС. 2006. Т. 8. С. 31.

выражает мысли, чувства, воспоминания автора. В других, особенно написанных в сказовой манере («Няня из Москвы», «Человек из ресторана» и др.), автор выбирает и создаёт таких героев, мировоззрение которых в основополагающих христианских моментах совпадало бы с его собственным. Таким образом, героев И. С. Шмелёва: богатых купцов и нищих, городских мещан, ремесленников и крестьян, — всех объединяет одно: русское православное благочестие.

Источники

- Смерть праведного и грешного // Народные русские легенды / собр. А. Н. Афанасьевым. Москва: Тип. В Грачева и К°, 1859. С. 87–88.
- Шмелёв И. С.* Росстани // *Шмелёв И. С.* Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 1. Москва: Русская книга, 1998. С. 157–224.
- Шмелёв И. С.* История любовная. Роман // *Шмелёв И. С.* Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 6. Москва: Русская книга, 1998. С. 13–240.
- Шмелёв И. С.* Лето Господне. Богомолье // *Шмелёв И. С.* Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 4. Москва: Русская книга, 1998. С. 15–520.
- Шмелёв И. С.* Няня из Москвы. Роман // *Шмелёв И. С.* Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 3. Москва: Русская книга, 1998. С. 11–190.

Литература

- Бунин И. А.* Чаша жизни // *Бунин И. А.* Полное собрание сочинений: [в 13 т.]. Т. 3: Повести, рассказы (1911–1914); Тень Птицы (1907–1911). Москва: Воскресение, 2006. С. 318–335.
- Бунин И. А.* Освобождение Толстого // *Бунин И. А.* Полное собрание сочинений: [в 13 т.]. Т. 8: «Это самая наша Русь!» Любимые имена; Из «Великого дурмана». Публицистика (избранное). Москва: Воскресение, 2006. С. 15–153.
- Горький М.* На дне // *Горький М.* Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Т. 6: Пьесы. 1901–1906. Москва: Гослитиздат, 1949. С. 103–175.
- Звездочтец: Русская фантастика 17 в. / сост. Ю. Медведев. Москва: Советская Россия, 1990. (Библиотека русской фантастики; т. 2).
- Ильин И. А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелёв. Москва: Скифы, 1991.
- Сорокина О. Н.* Московяна: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва. Москва: Моск. рабочий, 1994.
- Тургенев И. С.* Записки охотника // *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: [в 30 т.] / ред. М. П. Алексеев и др. Т. 3: Записки охотника. 1847–1874. Москва: Наука, 1979. С. 7–360, 447–519.

Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: [в 30 т.] / ред. М. П. Алексеев и др. Т. 7: Отцы и дети. Повести и рассказы. Дым. 1861–1867. Москва: Наука, 1981. С. 5–188, 416–469.

Тургенев И. С. По поводу «Отцов и детей» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: [в 30 т.] / ред. М. П. Алексеев и др. Т. 11: «Литературные и житейские воспоминания». Биографические очерки и некрологи. Автобиографические материалы. Незавершенные замыслы и наброски, 1852–1883. Произведения разных годов. Москва: Наука, 1982. С. 86–97, 368–378.